

О. В. Кириченко

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ В ЖИЗНИ
РУССКИХ ДВОРЯН XVIII в.

Храм — сердце всей духовной жизни православного христианина, потому что именно здесь устанавливается самая сердечная духовная атмосфера религиозного единения людей. Атмосфера создается не только святынями храма, но и людским участием — истовостью веры, святостью жизни, молитвенным подвигом — словом, всеми значительными величинами благочестивых устремлений всех и каждого.

Дворянское благочестие — то же, что и крестьянское, с точки зрения содержания и качества духовного подвижничества во имя Бога. Но из-за разных условий жизни (быт, государственное служение) оно отличалось от крестьянского формами внешнего исполнения. Скажем, в отношении к храму эта разница заключалась в том, что преимущественно на дворянах лежала забота об его устройении, украшении, попечении о нем (по аналогии: царь — главный ктитор* (староста) русского православного храма, потому и дворянин — ктитор своего поместного или домового храма**, хотя в XIX в. уже повсеместно встречаются старосты и не из дворян).

Данная статья построена на материалах, извлеченных из мемуаров, дневников, писем, а также дворянских прошений в Синодальную контору Москвы.

XVIII столетие — особый рубеж в истории России. Император Петр I узаконивает светский образ жизни. На место только государственно-религиозного устройства приходят два равнозначных: государственно-светское и государственно-религиозное. Причем и то, и другое строго регламентируется этикетом. Формальный характер церковных церемоний и феодально-бюрократический способ организации иерархии чинов в государственном аппарате и определяли суть этих перемен. Религиозная характеристика государственного человека после введения этого закона оказывалась двуипостасной — формальной и фактической.

Формально от дворянина требовалось выполнение всех религиозных норм православного христианина — будь то соблюдение поста, посещение храма, хождение на исповедь, поминовение усопших и т. д. Но искренность этих действий уже не интересовала государство. Благочестие стало делом личным как для самого императора, так и для его служилых подданных. Государство теперь не включало искренность благочестивости в реестр государственно-важных добродетелей. Через специальные органы оно начало контролировать все то, что обозначено нами как формальная православная религиозность. Это делалось в основном через синодальные органы.

Поскольку часть нравственных вопросов вышла из компетенции религиозной, их передали в судебно-административную сферу. Именно здесь законодательная инициатива власти работает наиболее плодотворно в течение столетия. Петр I ставит задачу (она будет решаться на протяжении всего XVIII в.) создания цельного (социально, политически и культурно) класса военных, гражданских и придворных служилых дворян.

«В XVIII в. дворянство, — пишет церковный историк, — стало целым „шляхетством“, а раньше было, по выражению Петра, „разсыпанной храминой“»¹. Дело воспитания шляхетства решалось двояким путем: через научение (просвещение), а также через создание особых органов судебно-юридического контроля за нравственной сферой жизни дворянина. Уже со времен Петра I начала действовать

* Ктитор (греч. Κτήτωρ) — святой храма, создатель обители, вкладчик, попечитель, церковный староста.

** Подобное утверждение справедливо для районов с помещичьим землевладением.

особая служба контроля за нравственностью — полиция. В Регламенте главного магистрата император так определил ее функции: «Полиция особое свое состояние имеет, а именно: она споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников... производит чистоту по улицам и домам, запрещает излишества в домовых расходах и все явные прегрешения, призирает нищих, бедных, больных... защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте... вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков»². Указанные функции полиции в течение века не изменились. В Уставе благочиния (или полицейском уставе) времен Екатерины II читаем: «Управа благочиния мир и тишину православия святой церкви охраняет»³. И еще: «К попечению полиции все принадлежит, что служит к сохранению благочиния в обществе»⁴. В течение века законодательно оформлялся и новый тип отношений государства с церковью. При Петре был подготовлен целый ряд законов, в частности указы 1718 и 1722 гг. об обязательном посещении храма в праздники⁵ и о штрафе с того, кто во время литургии разговаривает⁶, и др.

Благочестивость царствующих особ, конечно же, влияла, хотя и косвенно, на характер церковной политики государства. Идея секуляризации была заложена в самом ядре петровских реформ и вытекала из задач европеизации России, однако претворение ее в жизнь происходило драматично. Законодательная инициатива Елизаветы Петровны и Павла I оказалась более смягченным и уравновешенным вариантом резких узаконений предшественников. И в законодательных актах, и на практике Павел выступает в роли антипода холодной официальности по отношению к православной церкви. Даже в самом тексте закона просматривается его участливость: «...Попечение о благоустройстве церкви и призрение к служащим ей почитаю одною из главнейших обязанностей своего царствования»⁷.

Разделение на официальное и неофициальное отношение к церкви коснулось и рядовой дворянской среды. Кто почитал делом совести посещать церковь чаще, чем определял закон, тот так и поступал. То же самое и в отношении постов, и в отношении забот о храме.

Там, где внешние условия позволяли, благочестивые дворяне начинали день свой с молитвы в храме. И. И. Голиков писал о крупном государственном деятеле второй половины XVIII в., одном из учеников Петра Великого И. И. Неплюеве: «Веру и благочестие соблюл до конца ненарушимо и не выезжал никогда со двора, не отслушав св. Литургии, которая в домовой церкви его ежедневно отправлялась...»⁸. Ф. Ф. Ушаков — русский флотоводец и племянник архимандрита Феодора Санаксарского — «еще будучи на службе... вел строгий, почти аскетический образ жизни. Каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню. Перед молитвами никогда не занимался рассмотрением военносудных дел»⁹. Бывший курский губернатор А. М. Веревкин в поместье своем под Курском вел благочестивую жизнь, имел домовую церковь. Для службы приезжали к нему ежедневно из Коренской обители монахи¹⁰. Известно, что Анна Никитична Колычева ежедневно ходила к обедне и часто к заутрене¹¹. Генерал-майор С. И. Мосолов, вспоминая о своих детских годах, писал: «В продолжении ж времени от 7 до 10 лет со отцем я ходил каждый раз, когда была служба, к обедне и к вечерне по своей воле, хотя и очень ленился и не хотелось и особливо к заутренне итти, что очень редко отец мой манкировал»¹².

Подобные примеры можно было бы продолжить, так как именно духовными усилиями подобных людей процветала тогда Россия. На военной ли стезе, на гражданском ли поприще, при царском ли дворе — везде эти верные подданные государя и благочестивые христиане были «солью» всего остального дворянского общества.

Исследуя вопрос попечения дворян о храме, мы можем и на массовом материале убедиться в том, что совсем немало было тогда среди дворян радегелей жизни «во всяком благочестии и чистоте». Прошения дворян в Синодальную контору дают возможность увидеть специфику попечений о храме в XVIII в. Они

показывают, что был особый круг забот о храме городском, сельском и монастырском, забот как материальных, так и духовных.

Основным источником для анализа послужили материалы архива Московской синодальной конторы, охватывающие и губернию, и опубликованные протоиереем А. Н. Скворцовым¹³.

Самостоятельно о благолепии храма должны были заботиться лица, имеющие церкви домовые или находящиеся на землях вотчины. В городе приходские храмы могли содержаться «ругою» (платой) богатых прихожан. Содержать причт церкви могли и дворяне, и купцы, и посадские люди — миром, вскладчину.

Существовал определенный порядок в делах, связанных с храмостроительством и другими вопросами. Если хотели построить храм или придел в храме, подавали прошение в контору. На освящение церкви и получение антиминса требовался отдельный запрос. (Антиминс — особый освященный плат, лежащий в алтаре на престоле, на котором и совершается богослужение. Наличие антиминса позволяло говорить, что храм есть. Подвижный антиминс означал, что храм устраивался временно — до смерти владельца дома — после чего антиминс возвращали в церковную ризницу, а домовая церковь разбиралась.) Давая разрешение на возведение церкви, контора вручала строителю *храмозданную грамоту*. Ответ на прошение приходил через один — четыре месяца. Да и срок постройки не был длительным. Так, генерал-поручик сенатор П. Д. Еропкин подал прошение 10 августа 1772 г., а уже 6 сентября следующего года церковь в доме была устроена¹⁴. Вдова статского советника А. Ф. Киселева подала прошение 18 августа 1774 г., а 15 декабря церковь уже освятили¹⁵.

С 40-х годов XVIII в. в Москве наибольшее число прошений, поступивших в контору от дворян, касалось устройства домовых храмов с подвижным антиминсом. Можно привести типичный образец такого прошения: «18 ноября 1773 г. в Синодальную контору доставлено прошение от кн. Я. П. Шаховского о дозволении ему в доме своем, в приходе церкви Иоанна Милостивого, что в Кисловке, церковь построить по старости и болезни, во имя Спаса Нерукотворенного образа». 17 февраля 1774 г. контора разрешила ее освятить¹⁶.

Получив прошение, контора выясняла обстоятельства, побудившие дворянина просить об устройстве домового храма. Как правило, причиной была болезнь, немощь или преклонный возраст просителя. Если речь шла о болезни, то Медицинская контора должна была засвидетельствовать это. Среди мотивов проситель не забывал и духовные: «для слушания божественного пения», «чтобы православия Божия не лишиться вовсе».

Домовая церковь могла строиться как новая или быть купленной у кого-то. Нередки случаи, когда покупались походные полковые церкви. Княгиня П. П. Шаховская купила в канцелярии Шлиссельбургского пехотного полка такую церковь, «немного ветхую, с освященным антиминсом во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы»¹⁷. Домовый храм мог переноситься с одного места на другое — из города в поместье и наоборот. «Новозаветная скиния» помогала православному дворянину пережить время, когда «светское» проникало во все области жизни.

18 ноября 1773 г. в Синодальную контору поступило прошение от вдовы капитана М. Раевского Феодосии Наумовны. В нем указывалось, что «домовая церковь брата ее С. Н. Снявина перенесена в дом ее, в с. Никольское, а ныне брат ее прибудет по первому зимнему пути в Москву и эту домовую церковь возьмет к себе». Вдова просила дозволить ей «по слабости здоровья и старости, устроить в доме ее... церковь... и во время отъезда из Москвы в деревню брать ее с собою»¹⁸. Князь П. М. Волконский в связи с переездом в дом другого прихода просил в 1772 г. разрешения перевести туда престол и антиминс. Престол с подвижным антиминсом перенес священник¹⁹.

Желая обновить ветхий храм или восстановить его после пожара, храмовладелец или добродетель также писал прошение в контору. Следует отметить тот факт, что при пожаре старались в первую очередь спасти храмовые святыни: «Дом мой

в приходе церкви Николая Чудотворца... сгорел, но домовая церковь вынесена... услана в вотчину моей матери, ныне, когда дом вновь отстроен, для церкви приготовлена пристойная комната. Желая ее возвратить»²⁰.

Владелец домового церкви или содержал собственный причт (священник, чтецы), или пользовался услугами приходского. Контора иногда оговаривала условие устройства домашней церкви: без собственного причта.

Кроме прошений о домовых церквях, Синодальная контора получала прошения от дворян, заботящихся о приходских храмах. Самыми распространенными были прошения об устройстве нового придела в храме. Просили об освящении приделов в честь тезоименитых святых: для поминовения усопших близких или предков. Иногда просителем подчеркивалось, что придел устраивается для ранних литургий²¹. Нередко благочестивый прихожанин брался «по обету» за строительство нового придела, замену иконостаса, украшение икон окладом, одаривание храма церковной утварью. 13 июля 1747 г. в контору обратился коллежский советник, «богомалец», как он сам себя назвал, С.Е. Молчанов. По обещанию своему «ныне вместо оных ветхих иконостаса и святых икон» он в Воздвиженскую церковь Крестовоздвиженского монастыря «как иконостас, так и св. иконы, строит все новое»²². В 1763 г. прихожанин И. М. Булгаков пожертвовал в храм Благовещения в Арзамасе большое на престольное Евангелие в драгоценном окладе, напечатанное в 1628 г. и весившее два пуда. Представляет интерес надпись, которую оставил даритель: «Сие же убогое приношение да вменит мне Господь Бог со вдовицными двумя лептами, мытаря и блудницы со слезами, и сподоблюся от всеблагото Бога услышати вожделенный глас: вера твоя спасет и отпускаются грехи твои мнози, яко возлюби много. И сие подписал я, Иван Булгаков, своею рукою, в лето от сотворения мира 7251, от Рождества Христова 1763 года, февраля в 20 день от рождения своего на 58 год. Аминь»²³. Еще один пример: «1774 года 11 декабря в Синодальную контору подал прошение отставной поручик Семен Данилов... По данному им в 1772 году обещанию для вклада в Большой Успенский собор, вновь делаемая хоругвь вышивается у мастериц золотом»²⁴. Обращений в контору по поводу дарений в приходские храмы совсем немного.

Другая группа дворян, подававших прошения о строительстве храмов, — помещики. Спецификой их прошений было приходское храмостроительство: постройка нового храма, замена деревянного каменным, ремонт, перевозка храма с одного места на другое. Есть в этой группе и просьбы об устройении домовых церквей. Нередко помещик в своем прошении указывал такую причину постройки церкви, как забота о крестьянах. В прошении от 3 октября 1754 г. князя А. Я. Голицына указывается, что в подмосковной его вотчине «в с. Ильинском была церковь пророка Ильи, но сгорела в давнии годы, и того сельца и деревни дворовые его люди и крестьяне для всяких треб ходят в с. Покровское за 10 верст». Князь просил разрешения восстановить на прежнем месте церковь с новым названием — во имя Николая Чудотворца. Только после дополнительных ходатайств и вторичного обращения в контору князю удалось получить разрешение. Село Ильинское при этом было переименовано в Никольское²⁵.

Обетных церковей строилось много. В прошении статского советника В. Ф. Щербачева от 1 марта 1755 г. говорилось, что по обету, им данному, он хотел бы построить в своей вотчине каменный храм вместо деревянного. Через два года каменная церковь была выстроена на новом месте²⁶. 25 октября 1773 г. обершталмейстер и камергер П. С. Сумароков просил освятить новый придел во имя пророка Самуила, построенный «по обещанию», в приходской церкви Рождества Богородицы²⁷.

Случаи с переименованием храма рассматривались особо. При этом контора внимательно изучала причину, по которой проситель желал дать другое наименование храму. У вдовы коллежского советника П. И. Дурново имелся построенный, но не освященный придел в честь мучениц Веры, Надежды и Любви. Но она связала себя обетом освятить придел во имя иконы Казанской Богородицы.

Контора разрешила освятить придел, но при этом определила праздновать в храме день мучениц Веры, Надежды, Любви²⁸. Вдове коллежского ассессора П. В. Савеловой разрешили переименовать церковь в связи с перевозом ее от другого помещика²⁹. После ремонта или замены ветхого храма на новые строительные материалы или передавали в другие руки на строительство храма, или, например, использовали как дрова для отопления церкви и печения просфор. На месте, где был храм, ставился «пристойный знак» или место огораживалось «от поспрапия скотом».

Иногда контора сама требовала поправить ветхий храм. В вотчине секунд-ротмистра В. С. Шереметьева в с. Семенники Можайского уезда приходской храм находился в небрежении, на что было указано благочинным священником Петром Максимовым. Однако вотчинник не занялся поправкой строения и контора вынесла решение упразднить храм. Секунд-ротмистр подал прошение дозволить ему возобновить церковь, обязуясь не оставлять ее своей заботой³⁰.

В другом случае контора не разрешила восстанавливать церковь по причине малочисленности прихода, хотя вотчинники Салтыковы выразили готовность и выделить средства для ремонта храма, и дать ругу и землю священнику. Салтыковы не хотели, чтобы храм закрылся, ибо при этой церкви были похоронены их предки³¹.

А. В. Суворов был человеком глубоко верующим и благочестивым. Приехав в свое имение, он занялся строительством церкви. В 1785 г. Суворов подал прошение митрополиту Новгородскому и Петербургскому Гавриилу, в котором просил: «1. Дать благословение на сооружение в его вотчине Боровичского уезда, в с. Кончанске, в его доме во имя Александра Невского церкви. 2. На построение оной отпустить св (ятое) миро и св (ятой) антиминис. 3. Произвестъ во священники из студентов, которому ежегодно производимо будет от него жалованье по сту рублей и содержание в пище». Церковь возводилась отдельным зданием, хотя сначала Суворов хотел устроить ее в своих покоях. В этой церкви он молился перед последним своим походом в Альпы. Здесь А. В. Суворов пел и читал, прислуживал в алтаре, звонил в колокола³². Из своего имения он подал прошение на имя императора с просьбой удалиться в Нилову пустынь, но ответа не получил. Ему было приказано отправиться в новый военный поход³³.

Благочестивые дворяне заботились не только о домовых и приходских церквях, но и о монастырских храмах. Бедственное положение, в какое попали монастыри в XVIII в. из-за секуляризации монастырского имущества, требовало от состоятельных богомольцев самого живого участия в их судьбах. Козельской Введенской Оптиной пустыни на протяжении всего XVIII столетия помогала дворянская фамилия Шепелевых. В 20-е годы после разорения и закрытия по бедности ходатайствами братьев Дмитрия Андреевича и Степана Андреевича Шепелевых обитель возродилась. Она получала от них хлеб и церковную утварь. В 1750 г. обер-гофмаршал Д. А. Шепелев занимался постройкой храма во имя Введения Пресвятой Богородицы с двумя приделами. В разных местах на его средства было выстроено до 70 церквей. На окончание работ в недостроенных храмах он завещал 20 тыс. руб. В. А. Шепелев умер 14 мая 1759 г. в Петербурге, но, согласно завещанию, его похоронили в Козельске, в подклете построенной им Николаевской церкви³⁴. В 1768 г. племянница покойного Елисавета Никитична Шепелева передала Оптиной пустыни 800 руб. на постройку иконостаса и 250 руб. на сооружение колокольни. Она снабдила храм Введения ризницей и церковной утварью. В 1771 г. Е. Н. Шепелева, памятуя об обещании покойного дяди, устроила в трапезной второй придел во имя св. великомученика Феодора Стратилата³⁵. Данной обители помогали также князь И. М. Черкасский, генерал-майор Н. М. Желябужский, тайный советник Беклемишев, полковник П. Д. Бестужев-Рюмин, полковник Кошелев, лейб-гвардий лейтенант Чичерин, коллежский прокурор Камынин и др.³⁶ Известно, что Рыхловская пустынь Черниговской губернии обязана своим восстановлением в середине XVIII в. дворянам Ф. И. Каченовскому и П. Л. Чижевскому. Полковник Федор Каченовский и был погребен в

подклете построенной им церкви св. Феодора Стратилата³⁷. Истинным благодетелем Николаевского Песношского монастыря в Московской губернии в пору его запустения оказался генерал-майор М. И. Веревкин. Он был обеспокоен «бедственным положением монастыря, некогда столь знаменитого и уважаемого предками»³⁸. Обители помогали также графиня А. Р. Чернышева, П. И. Орлов и надворный советник Н. П. Юшков³⁹. Усилиями настоятеля Санакарского монастыря о. Феодора (Ушакова) и денежными приношениями петербургских благотворителей из дворян, в числе которых были и императрица Екатерина II, и граф А. Г. Орлов, Санакарский монастырь был восстановлен после обветшания и разрухи⁴⁰. Архимандрит Феофан (Соколов) также имел от Екатерины II, Павла I и Александра I щедрые вспоможения на восстановление древней обители преподобного Кирилла Новоезерского. Помогали и петербургские дворяне⁴¹.

Известно, что даже в петровское время — весьма неблагоприятное для монастырей — среди высших государственных лиц находились благочестивые попечители о монастырях. Сам Петр I иногда входил в противоречие со своими же законами: в 1716 г., когда действовал запрет на литье колоколов, по приказу царя для Новоспасского монастыря был отлит большой колокол⁴². Петр щедро одарил Свенский монастырь после победы под Полтавой⁴³.

В 1713 г. участник Полтавской битвы граф Б. П. Шереметев приехал в Коренную пустынь, где воздвиг церковь Пресвятой Богородицы Живоносного Ея источника и оставил посвяtitельную надпись: «Единой имущей непобедимую победу»⁴⁴. В своей слобде Шереметев в честь Полтавской победы основал Борисовскую девичью Тихвинскую пустынь⁴⁵. Князь Б. А. Голицын — один из воспитателей Петра I — в 1714 г. постригся во Флорищевой пустыни Владимирской губернии в монахи под именем Боголепа и до своей смерти в 1715 г. на личные средства помогал обители⁴⁶.

Различия в заботе о храмах городских и сельских объяснялись тем, что в поместьях еще сохранилась цельная религиозная среда.

В городе тенденция устраивать домовые храмы была вызвана, в первую очередь, внутренней потребностью дворянства сохранить *семейную* церковную молитву, ведь семья являлась залогом существования родовой фамилии и традиций. Именно поэтому в XVIII в. продолжают строить домовые церкви, как это делали предки. Правда, в рассматриваемом нами столетии домовые храмы изменили свой внешний облик: вместо отдельного строения с куполом это была отдельная комната внутри жилого дома. Там имелись престол с антиминсом, домашние иконы, распятие и лампадки. Оглавлять церковь куполом и крестом над домом не разрешалось. Срок существования такого храма определялся сроком жизни его владельца. И все же, при всей внешней разнице домовых церквей в XVIII в. и в предыдущие века, по сути своей они устраивались для одного: для сохранения традиций и уклада жизни семьи. (Особой проработки требует вопрос об устройении домашних храмов масонами.)

В XVIII в. государство лишь сузило круг представителей дворянства, имевших право на домашнюю церковь: это больные, старые и немощные. В предыдущие столетия теремная жизнь женской половины дома, будучи под охраной хозяина, могла быть открыта внешнему миру чаще всего тогда, когда семья посещала приходской храм. Поэтому для сохранения покоя были замкнуты и эти врата во внешний мир. В «Духовном регламенте» и указах о закрытии домовых храмов Петр I приводит два мотива: первый — бояре стыдятся быть в одном храме с простолудинами; второй — они устраивают домовые церкви, чтобы кичиться друг перед другом богатством и украшением их⁴⁷. Главный же мотив закрытия домовых церквей не назывался. А он состоял в том, что законы были направлены против семьи старого типа.

В первую четверть XVIII в., когда жизнь всех дворян была жестко регламентирована службой государству, та отдушина, которую Петр I оставил желающим иметь домовый храм, почти совсем не работала на семью. И потому в эти годы мы находим очень мало прошений от больных и немощных дворян о

строительстве храмов. И только с 40-х годов начинает опять устанавливаться микроклимат дворянских семейных очагов. Вокруг престарелых отцов и вдовых матерей стали собираться дети, в основном в дни постов и последующих празднеств. «Под конец Великого поста мы собрались ехать в свою подмосковную деревню, чтобы там провести и Святую неделю. Бывало, мы всю Страстную неделю у батюшки слушаем службу в его домово́й церкви, у него встречаем Светлое Христово воскресение, с ним разговляемся», — читаем в воспоминаниях Д. Благово⁴⁸.

Вся последняя треть XVIII столетия проходит в попытках этой группы дворян устроить свои родовые гнезда, вернуть утерянную в первую половину века традицию жить церковно-родовым фамильным кланом. Они живут между городом и деревней, между светским и церковным как вымирающее обреченное племя. На трагическом пафосе этой группы дворян рождается значительная часть художественной культуры XIX в. В этой культуре религиозное и светское так же антиномично соединилось, как оно жило в сознании и поступках людей. К данной группе принадлежало большинство русского дворянства.

Они обращались к домашней церкви как к средству спасения семьи. Всякий раз, когда умирал глава дома и церковь упразднялась, разрушалась «крепость» дома, а на устройство новой у родового гнезда сил оставалось все меньше и меньше. «Домовую церковь, которая была у батюшки в доме, — вспоминает Благово, — дозволено было оставить до сорокового дня, поминовения ради, а в этот день, отслужив обедню, священник разоблачил престол; вынесли его на двор и, изрубив, тут же сожгли». Это было прискорбно видеть, и брат Михаил Петрович, который был совсем не из плаксивых, видя это, плакал, как ребенок»⁴⁹.

Была и другая группа благочестивых дворян, видевших, что разрушение семьи как родового клана неминуемо ввиду разделения «пред лицом впадших в язычество: одни примут проповедь Апостолов, другие же будут коснеть в язычестве»⁵⁰. Эта группа дворян (наше разделение, конечно, до известной степени приблизительно) в условиях Нового времени предпринимала исповеднический подвиг веры, связав свою жизнь с монастырем, с такими очагами святости, как Саров, Оптина, Санаксар, Валаам и др. Одни дворяне становились монахами, другие проповедовали веру Христову в миру. Но их путь — тема особой статьи.

Примечания

¹ Знаменский П. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 15.

² Гольцев В. А. Законодательство и нравы в России XVIII в. СПб., 1896. С. 104.

³ Полное Собрание Законов Российской империи. Т. XXI. СПб., 1830. 8 апреля 1782 г.

⁴ Там же. Т. XVIII. 28 февраля 1768 г.

⁵ Там же. Т. V. № 3169.

⁶ Там же, № 3250.

⁷ Там же. Т. XXIV. № 18273.

⁸ Записки И. И. Неплюева // Русский архив. 1871. № 1—12. С. 695.

⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей ... Русской земли. Т. 4. М., 1836. С. 187—200.

¹⁰ Жизнь старца Вас依лия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской пустыни. Изд. 2-е. Одесса, 1904. С. 17.

¹¹ Бюде-Колычев М. Л. Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 348.

¹² Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова, писанные в 1806 г. // Шуйский сборник. Вып. 3. М., 1904. С. 107.

¹³ Протоиерей Скворцов Н. А. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век // Архив Московской Св. Синода Канторы. Ч. 1—2. М., 1911—1914.

¹⁴ Там же. Ч. 1. С. 95.

¹⁵ Там же. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 79.

¹⁷ Там же. Ч. 2. С. 489.

¹⁸ Там же. С. 109.

* Десакрализация предполагала, что святыни подобного рода не могла после упразднения церкви храниться где-нибудь в кладовой, но должна была быть сожжена.

- 19 Там же. С. 74.
 20 Там же. Ч. 1. С. 114.
 21 Там же. С. 121.
 22 Там же. С. 86.
 23 Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. Арзамас, 1911.
 С. 91—93.
 24 Протоиерей Сковрцов И. А. Указ. раб. Ч. 2. С. 61.
 25 Там же. Ч. 1. С. 181.
 26 Там же. С. 192.
 27 Там же. С. 226.
 28 Там же. С. 230—231.
 29 Там же. С. 242.
 30 Там же. С. 247.
 31 Там же. С. 229, 230.
 32 Протоиерей Григорий (Щавельский). Как Суворов строил церковь // Вера и мужество. 1993. № 1.
 С. 16, 17.
 33 Последнее четырехлетие жизни Суворова // Русский архив. 1871. № 1—12. С. 1451.
 34 Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни / Сост. Л. Кавелин. СПб., 1862.
 С. 174.
 35 Там же. С. 42—74.
 36 Там же. С. 61.
 37 Краткое описание Рыжловской пустыни. Чернигов, 1879.
 38 Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря Св. Николая Чудотворца, что на Песноше. М., 1837. С. 72.
 39 Там же. С. 79, 86.
 40 Жизнеописание о. Феодора (Ушакова). Темников, 1890. С. 9.
 41 Архимандрит Феофан — настоятель Кирилло-Белозерского монастыря // Странник. 1862. Март.
 С. 138.
 42 Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем / Сост. И. Д. Дмитриев. М., 1909. С. 20.
 43 Архимандрит Иерофей. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. Орел, 1895. С. 161.
 44 Историческое описание Коренной Рождества Богородицы пустыни. СПб., 1865. С. 46.
 45 Там же.
 46 Георгиевский В. Флорищева Пустынь. Вязники, 1896. С. 89.
 47 Полное Собрание Законов Российской империи. Т. V. № 3171; Т. VI. № 5718; Т. VI. № 4022.
 48 Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 107.
 49 Там же. С. 105.
 50 Гладков Б. И. Толкование Евангелия. М., 1991. С. 322.

The Orthodox temple in the life of the Russian nobility

In ancient Russia, the construction and maintenance of temples was the responsibility of princes and boyars. The XVIIIth century brought many changes in the practice, some of which are the focus of the article.

O. V. Kirichenko

© 1995 г., ЭО, № 5

Х. В. Поплавская

К ВОПРОСУ О ПРАВОСЛАВНОМ
МИССИОНЕРСТВЕ НА АЛТАЕ

(30—60-е годы XIX в.)

Сложная ситуация в области межнациональных отношений в России заставляет многих современных этнографов и ученых смежных профессий обратиться к ее изучению. Но редко кто из них, на наш взгляд, заглядывает в прошлое нашей страны, интересуется уже имеющимся опытом в этой сфере. В советской